

Представьте себя на секунду на месте, скажем, человека, контуженного во время натовских бомбардировок, который после десяти лет комы на прошлых выходных пришёл в себя и смотрит новости, где Милутин Мрконьич докладывает любимому президенту о строительных планах и подвигах, Ивица Дачич заявляет, что Социалистическая партия Сербии (СПС) никогда не допустит нарушения территориальной целостности государства, а Воислав Коштуница делает свои принципиальные заявления из глубокой оппозиции.

Мне бы хотелось сказать, что всё изменилось, хотя на самом деле не изменилось почти ничего. И наоборот.

Правда, на днях произошли два события, которые десять лет назад были всё-таки немислимы: Косово было принято в Международный валютный фонд, а американский вице-президент Байден, ранее известный местной общественности своей проалбанской деятельностью и множеством острых и оскорбительных заявлений в адрес сербов, приезжает с рабочим и дружеским визитом в Белград.

По сравнению с этими двумя новостями, которые – особенно если их рассматривать вместе – практически не нуждаются в комментариях, новость об отъезде посла США, Камерона Мантера, из Сербии до истечения срока его мандата осталась почти незамеченной. После того, как он, вручив очередные ежегодные премии Независимого сообщества журналистов Сербии (НУНС) по исследовательской журналистике, встретит и проводит вице-президента Байдена, посол даст ещё несколько прощальных интервью, сыграет последний джаз и улетит в Багдад на новую должность. Из Белграда в Багдад! Что за сходство и что за символичность?!

Отъезд Мантера оставляет за собой дилемму, которая, быть может, имеет большее значение для нашей будущей судьбы, чем для его дальнейшей карьеры: связан ли его досрочный отъезд с тем, что Мантер «выполнил задание», так как Белград сравнительно хорошо воспринял провозглашение независимости Косово, согласился на миссию ЕУЛЕКС и наконец-то получил прозападное, демократическое правительство? Значит ли его отъезд, что Сербия и Балканы в ближайшем будущем не будут находиться в фокусе внимания американской внешней политики? Или же всё-таки он уезжает из-за

неспособности предотвратить вхождение России в сербский энергетический сектор и того факта, что даже нынешнее, так сказать, «его персональное» сербское правительство всё-же недостаточно ревностно придерживается курса на «евроатлантическую» интеграцию – можно и не говорить о том, что не так давно министр иностранных дел Ирана прогуливался по Белграду практически перед носом у Мантера, а сербские официальные лица всё чаще вместо Брюсселя и Вашингтона посещают латиноамериканские и африканские государства. (А может быть даже в таких странах, как США просто не хватает высококвалифицированных дипломатических кадров, а тех немногих, которые имеются в наличии, направляют на самые ответственные участки?)

Послы, конечно же, не определяют, а только проводят политику своего государства за границей. (Только в Сербии возможна ситуация, когда посол, вернувшийся на родину, чтобы провести отпуск, даёт интервью, в которых «отчитывает» президента и премьер-министра, в то время как её коллега, снова находящийся на государственной службе (?!), прилюдно хвастается, как он в своё время чуть не избил главу министерства, в котором он работал?!) Таким образом, послы не определяют политику, но – особенно если они представляют сильные государства и в то же время сами являются сильными личностями – имеют возможность существенно влиять как на политику принимающего государства, так и на восприятие этого государства в дипломатическом и общественном мнении собственной страны. В любом случае – и пока не совсем понятно, хорошая это новость или плохая – в ближайшее время США вряд ли направят в Сербию посла уровня Мантера. (Вильям Монтгомери был блестящим знатоком местной специфики и отличным аналитиком, но со временем, по крайней мере по мнению американцев, его затянуло в «зыбучие пески балканской политики»).

Но, разумеется, визит Байдена, с политической и символической точек зрения, намного значительнее отъезда Мантера. Однако гораздо важнее обоих этих событий была скрытая от глаз общественности, по крайней мере сербской, неравная битва между сербской и американской дипломатиями в связи с приёмом Косова в мировые финансовые организации. При этом сербская дипломатия, естественно, прилагала все возможные усилия, чтобы этого не случилось, а американская - чтобы это произошло. Победили, конечно же, американцы, но с большим трудом, как говорится, забив трёхочковый на последней секунде, после немислимого давления Вашингтона, оказанного на небольшие государства перед самым окончанием голосования с целью, чтобы те, пусть даже голосуя против, обеспечили кворум, необходимый для решения, уже принятого сильными и богатыми. Такой исход был, в принципе, ожидаем, так как существующая квотная система голосования даёт преимущество богатым западным государствам. В качестве утешения нам досталось понимание того, что в случае проведения серьёзной подготовки у нас всегда будут шансы на победу, даже на чужом поле.

В общем, визит Байдена проходит в неудачное время, и кроме несколько любезных улыбок и дипломатических фраз о «подъёме отношений» Джо Байдену на этот час нечего нам предложить, также как и нам ему. В конечном итоге довольным не будет никто. По множеству причин представители принимающей стороны не смогут проявить к гостю должного радушия и гостеприимства, то есть быть «готовыми к сотрудничеству» ровно настолько, насколько бы это было необходимо Америке, а также не смогут организовать встречу высокого гостя на уровне хотя бы приблизительно сравнимом с тем, который будет его ждать в Приштине и в Сараево. И в то же время, что бы они не предприняли, сам визит будет восприниматься большей частью сербского населения как ещё один пример государственной капитуляции и национального унижения. Римский (про)консул объезжает традиционно непокорную, но уже на три четверти усмиренную Иудею.

Что же нужно и возможно было предпринять в этой связи? Скорее всего, почти ничего. Честно говоря, если уж прежнее «разгневанное» правительство после 17 февраля 2008 г. (день самопровозглашения независимости Косова, *прим. ред.*), на стороне которого было международное, обычное, моральное и божественное право, не решилось попросить посла Мантера – хотя бы временно и чисто символически – покинуть Белград вместе со своими западными коллегами из стран, которые признали и обеспечили независимость Косово. То есть, если данное правительство и в такой момент не осмелилось сделать то, что предприняло бы любое государство и любой народ, которые заботятся о собственных интересах, неужели кто-то мог ожидать, что у нынешних «роевропейских» и «реформаторских» властей хватит смелости любезно попросить вице-президента Байдена не приезжать в Белград?! Этого, конечно же, никто не ожидал – что, однако, нисколько не умаляет ответственности и тех, и других.

Вот, пожалуй, и всё о «суверенитете и территориальной целостности».

(Перевод: Иван Макиенко)